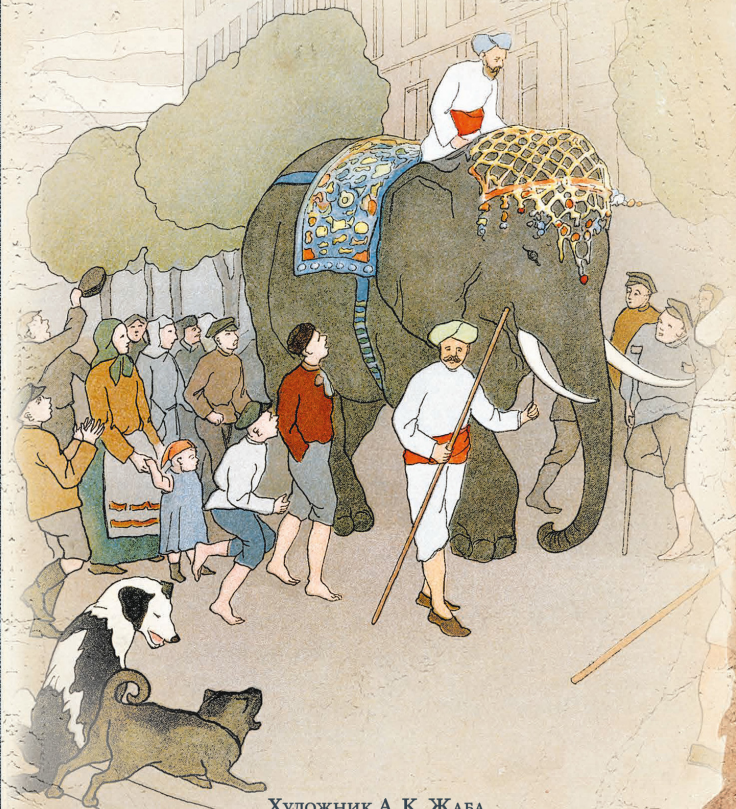

МАЛАЯ КНИГА С ИСТОРИЕЙ

И. А. Крылов

БАСНИ

Художник А. К. ЖАБА

Иван Андреевич Крылов

Басни

Серия «Малая книга с историей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6495156

Басни: Издательский Дом Мецзякова; Москва; 2019

ISBN 978-5-00108-491-4

Аннотация

С баснями Ивана Андреевича Крылова многие знакомятся ещё в детстве и возвращаются к ним во взрослом возрасте, перечитывая и открывая новые смыслы. Их аллегоричность и поэтичность понятны и ребёнку и взрослому. Удивительные по красоте и тонкому юмору, несущие в себе народную мудрость, они были переведены на разные европейские языки.

В настоящее издание вошли 60 басен Крылова, из которых многие разошлись на пословицы и поговорки.

Содержание

Ворона и Лисица	9
Дуб и Трость	13
Музыканты	16
Ворона и Курица	17
Ларчик	19
Разборчивая невеста	21
Оракул	25
Василёк	27
Мартышка и Очки	30
Роца и Огонь	34
Волк и Ягнёнок	37
Синица	39
Два Голубя	41
Лягушки, просящие Царя	46
Вельможа и Философ	52
Волк на псарне	54
Петух и Жемчужное зерно	56
Лисица и Сурок	59
Стрекоза и Муравей	61
Лжец	64
Щука и Кот	67
Обоз	70
Воронёнок	74

Тришкин кафтан	76
Слон на воеводстве	79
Слон и Моська	81
Обезьяна	85
Мешок	87
Лев и Комар	90
Огородник и Философ	93
Крестьянин и Лисица	96
Дерево	99
Гуси	101
Свинья	104
Волк и Лисица	106
Орёл и Крот	109
Квартет	112
Листы и Корни	115
Лебедь, Щука и Рак	117
Пруд и Река	120
Цветы	123
Демьянова Уха	125
Мышь и Крыса	129
Чиж и Голубь	130
Волк и Журавль	131
Медведь у пчёл	134
Зеркало и Обезьяна	136
Лев и Лисица	139
Слон в случае	140

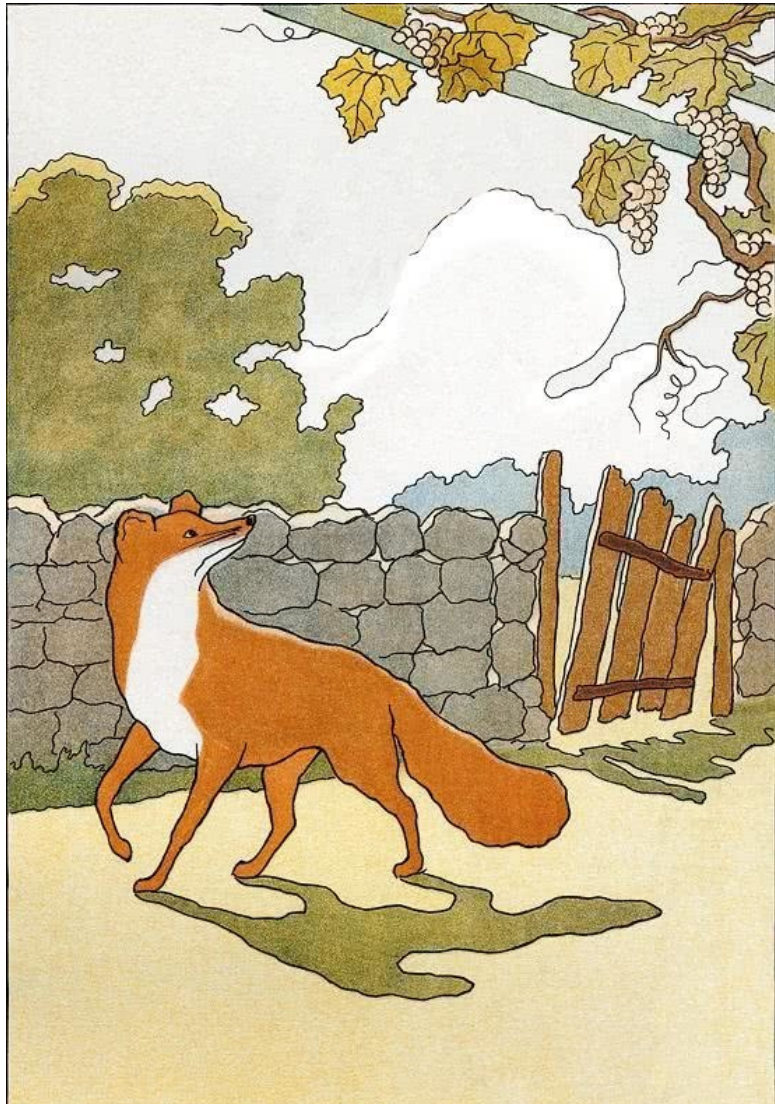
Лягушка и Юпитер	142
Охотник	144
Муравей	147
Совет Мышей	150
Свинья под Дубом	154
Лисица и Виноград	157
Булыжник и Алмаз	158
Котёл и Горшок	160
Волк и Кот	162
Волки и Овцы	164
Лев и Мышь	166

Иван Крылов

Басни

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2019

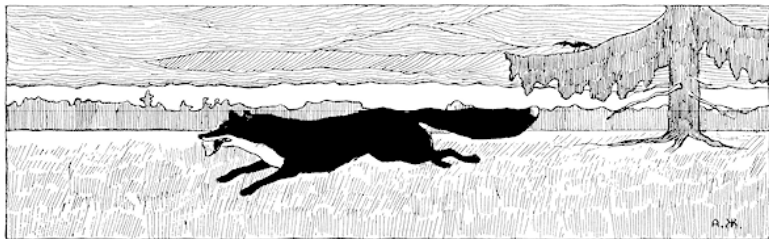
* * *

Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесьть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие пёрушки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,

При красоте такой и петь ты мастерица, –

Ведь ты б у нас была царь-птица!»»

Вещуньяина с похвал вскружилась голова,

От радости в зобу дыханье спёрло, –

И на приветливы Лисицыны слова

Ворона каркнула во всё воронье горло:

Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

НА ТУ БЕДУ ЛИСА БЛИЗЁХОНЬКО БЕЖАЛА;
ВДРУГ СЫРНЫЙ ДУХ ЛИСУ ОСТАНОВИЛ

Дуб и Трость

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошёл.
«Поистине, роптать ты вправе на природу, –
Сказал он, – воробей, и тот тебе тяжёл.

Чуть лёгкий ветерок подёрнет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнёшь слабеть
И так нагнёшься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.

Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваясь и вихрям и грозам,

Стою и твёрд и прям,
Как будто б ограждён ненарушимым миром:
Тебе всё бурей – мне всё кажется зефиром.

Хотя б уж ты в окружности росла,
Густую тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;

Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья». –

«Ты очень жалостлив, – сказала

Трость в ответ, –

БУШУЕТ ВЕТР, УДВОИЛ СИЛЫ ОН, ВЗРЕВЕЛ – И
ВЫРВАЛ С КОРНЕМ ВОН ТОГО, КТО НЕБЕСАМ ГЛА-
ВОЙ СВОЕЙ КАСАЛСЯ...

Однако не крушись: мне столько худа нет.

Не за себя я вихрей опасуюсь;

Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:

Так бури мало мне вредят;

Едва ль не более тебе они грозят!

То правда, что ещё доселе их свирепость

Твою не одолела крепость

И от ударов их ты не склонял лица;

Но – подождём конца!»

Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом и с дождём шумящий аквилон.
Дуб держится, – к земле Тростиночка припала.
    Бушует ветер, удвоил силы он,
        Взревел – и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам головой своей касался
И в области теней пятою упирался.

Музыканты

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил

И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,

И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало
И закружилась голова.

«Помилуй ты меня, – сказал он с удивленьем, –
Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!» –

«То правда, – отвечал хозяин с умиленьем, –
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением».

А я скажу: по мне уж лучше пей,
Да дело разумеи.

Ворона и Курица

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством воруясь,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? –
Ей с возу Курица кричит. –
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат». –
«Мне что до этого за дело? –
Вещунья ей в ответ. – Я здесь останусь смело.
Вот ваши сёстры – как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
А, может быть, ещё удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,

Как голодом морить Смоленский стал гостей, –
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчётах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несёшься:
А как на деле с ним сочтёшься –
Попался, как ворона в суп!

Ларчик

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться,
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.

В ушах лишь только отдаётся:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвётся.
Потел, потел; но наконец устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался;
А Ларчик просто открывался.

Разборчивая невеста

Невеста-девушка смышляла жениха;
Тут нет ещё греха,
Да вот что грех: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умён,
И в лентах, и в чести, и молод был бы он
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы всё имел. Кто ж может всё иметь?
Ещё и то заметь,
Чтобы любить её, а ревновать не сметь.
Хоть чудно, только так была она счастлива,
Что женихи, как на отбор,
Презнатные катили к ней на двор.
Но в выборе её и вкус и мысли тонки:
Такие женихи другим невестам клад,
А ей они на взгляд
Не женихи, а женишонки!
Ну, как ей выбирать из этих женихов?
Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты;
То нос широк, то брови густы;
Тут этак, там не так;
Ну, не придёт никто по мысли ей никак.
Посмолкли женихи, – годка два перепали,
Другие новых свах заслали:
Да только женихи средней уж руки.
«Какие простаки! –
Твердит красавица, – по ним ли я невеста?
Ну, право, их затеи не у места!
И не таких я женихов

С двора с поклоном проводила;
Пойду ль я за кого из этих чудаков?
Как будто б я себя замужством торопила,
Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».

Толпа и эта уплыла.

Потом, отказы слыша те же,
Уж стали женихи навёртываться реже.

Проходит год,
Никто нейдёт;

Ещё минул годок, ещё уплыл год целый:

К ней свах никто не шлёт.

Вот наша девушка уж стала дево́й зрелой.

Зачнёт считать своих подруг
(А ей считать большой досуг):

Та замужем давно, другую сговорили;

Её как будто позабыли.

Закралась грусть в красавицыну грудь.

Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,

Что каждый день, а что-нибудь

Из прелести её лихое время крало.

Сперва румянца нет; там живости в глазах;

Умильны ямочки пропали на щеках;

Весёлость, резвости как будто ускользнули;

Там волоска два-три седые проглянули:

Беда со всех сторон!

Бывало, без неё собранье не прелестно;

От пленников её вокруг ней бывало тесно:

А ныне, ах! её зовут уж на бостон!
Вот тут спесивица переменяет тон.
Рассудок ей велит замужством торопиться:

Перестаёт она гордиться.

Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда своё твердит.

Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла:

И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.

Оракул

В каком-то капище был деревянный бог,
И стал он говорить пророчески ответы
И мудрые давать советы.

За то, от головы до ног
Обвешан и серебром и златом,
Стоял в наряде пребогатом,
Завален жертвами, мольбами заглушён
И фимиамом задушён.

В Оракула все верят слепо;
Как вдруг – о чудо, о позор! –
Заговорил Оракул вздор:
Стал отвечать нескладно и нелепо;

И кто к нему зачем ни подойдёт,
Оракул наш что молвит, то соврёт;

Ну так, что всякий дивовался,
Куда пророческий в нём дар девался!

А дело в том,
Что идол был пустой и саживались в нём
Жрецы вещать мирянам.

И так,
Пока был умный жрец, кумир не путал врак;
А как засел в него дурак,
То идол стал болван болваном.

Я слышал – правда ль? – будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

Василёк

В глуши расцветший Василёк
Вдруг захирел, завял почти до половины
И, голову склоня на стебелёк,
Уныло ждал своей кончины;
Зефиру между тем он жалобно шептал:
«Ах, если бы скорее день настал
И солнце красное поля здесь осветило,
Быть может, и меня оно бы оживило?» –
«Уж как ты прост, мой друг! –
Ему сказал, вблизи копаясь, Жук. –
Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотреть, как ты растёшь,
И вянешь ты, или цветёшь?
Поверь, что у него ни время, ни охоты
На это нет.
Когда бы ты летал, как я, да знал бы свет,

То видел бы, что здесь луга, поля и нивы
Им только и живут, им только и счастливы.

Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согревает
И удивительною красотой
Цветы душистые богато убирает;
Да только те цветы
Совсем не то, что ты:

Они такой цены и красоты,
Что само время их, жалея, косит;
А ты ни пышен, ни пахуч,
Так солнца ты своей доукою не мучь!
Поверь, что на тебя оно луча не бросит,
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!»

Но солнышко взошло, природу осветило,
По царству Флорину рассыпало лучи
И бедный Василёк, завянувший в ночи,
Небесным взором оживило.

О вы, кому в удел судьбою дан
Высокий сан!
Вы с солнца моего пример себе берите!
Смотрите:
Куда лишь луч его достанет, там оно –
Былинке ль, кедру ли – благотворит равно
И радость по себе и счастье оставляет;

За то и вид его горит во всех сердцах,
Как чистый луч в восточных хрусталях,
И всё его благословляет.

Мартышка и Очки

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу, пропасть! – говорит она, – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне наггали;
А проку на́ волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,

ОЧКОВ С ПОЛДЮЖИНЫ СЕБЕ ОНА ДОСТАЛА;
ВЕРТИТ ОЧКАМИ ТАК И СЯК...

Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит.

Роща и Огонь

С разбором выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроет –
Она тебе лишь яму роет.
Чтоб эту истину понять ещё ясней,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонёк под Рощей тлился;
Как видно, тут он был дорожными забыт.
Час от часу Огонь слабее становился;
Дров новых нет; Огонь мой чуть горит
И, видя свой конец, так Роще говорит:
«Скажи мне, Роща дорогая!
За что твоя так участь жестока,
Что на тебе не видно ни листка

И мёрзнешь ты совсем нагая?» –
«Затем, что вся в снегу,
Зимой ни зеленеть, ни цвести я не могу», –
Огню так Роща отвечает.
«Безделица! – Огонь ей продолжает, –
Лишь подружись со мной, тебе я помогу.
Я солнцев брат и зимнею порою
Чудес не меньше солнца строю.
Спроси в теплицах об Огне:
Зимой, когда кругом и снег и вьюга веет,
Там всё или цветёт, иль зреет:
А всё за всё спасибо мне.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю,
Но солнцу в силе я никак не уступлю.
Как здесь оно спесиво ни блистало,
Но без вреда снегам спустилось на ночлег;
А около меня, смотри, как тает снег.
Так если зеленеть желаешь ты зимою,
Как летом и весной,
Дай у себя мне уголок!»
Вот дело слажено: уж в Роще Огонёк
Становится Огнём, Огонь не дремлет:
Бежит по ветвям, по сучкам;
Клубами чёрный дым несётся к облакам,
И пламя лютое всю Рощу вдруг объемлет.
Погибло всё вконец, – и там, где в знойны дни
Прохожий находил убежище в тени,
Лишь обгорелые пеньки стоят одни.

И нечему дивиться:
Как дереву с огнём дружитья?

Волк и Ягнёнок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться,
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питьё
Моё
С песком и с илом?
За дерзость такую
Я голову с тебя сорву». –
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». –
«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил:

Я этого, приятель, не забыл!» –

«Помилуй, мне ещё и отроду нет году», –
Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат». –
«Нет братьев у меня». – «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите

И если можете, то мне всегда вредите,

Но я с тобой за их разведаюсь грехи». –

«Ах, я в чём виноват?» – «Молчи! устал я слушать,

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Сказал – и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

Синица

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан, и жарко ли, гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлепать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тороватый
Не даывал секретарям.

Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждёт;

Лишь изредка иной шепнёт:

«Вот закипит, вот тотчас загорится!»

Не тут-то: море не горит.

Кипит ли хоть? – и не кипит.

И чем же кончились затеи величавы?

Синица со стыдом всвояси уплыла;

Наделала Синица славы,

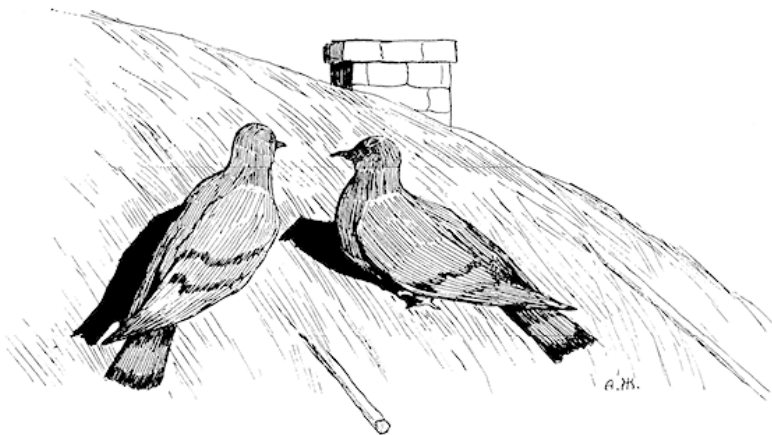
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

Два Голубя

Два Голубя как два родные брата жили,
Друг без друга они не ели и не пили;
Где видишь одного, другой уж, верно, там;
И радость и печаль – всё было пополам.
Не видели они, как время пролетало;
Бывало грустно им, а скучно не бывало.

Ну, кажется, куда б хотеть

Или от милой, иль от друга?

Нет, вздумал странствовать один из них – лететь

Увидеть, осмотреть

Диковинки земного круга,

Ложь с истиной сличить, поверить быль с молвой.
«Куда ты? – говорит сквозь слёз ему другой, –

Что пользы пб свету таскаться?

Иль с другом хочешь ты расстаться?

Бессовестный! когда меня тебе не жаль,

Так вспомни хищных птиц, силки, грозы ужасны

И всё, чем странствия опасны!

Хоть подожди весны лететь в такую даль:

Уж я тебя тогда удерживать не буду.

Теперь ещё и корм и скуден так, и мал;

Да, чу! и ворон прокричал:

Ведь это, верно, к худу.

Останься дома, милый мой,

Ну, нам ведь весело с тобой!

Куда ж ещё тебе лететь, не разумею;

А я так без тебя совсем осиротею.

Силки, да коршуны, да громы только мне

Казаться будут и во сне;

Всё стану над тобой бояться я несчастья:

Чуть тучка лишь над головой,

Я буду говорить: ах! где-то братец мой?

Здоров ли, сыт ли он, укрыт ли от ненастья!»

Растрогала речь эта Голубка;

Жаль братца, да лететь охота велика:

Она и рассуждать и чувствовать мешает.

«Не плачь, мой милый, – так он друга утешает, –

Я на три дня с тобой, не больше, разлучусь.

Всё наскоро в пути замечу на полете,

И, осмотрев, что есть диковинней на свете,

Под крылышко к дружку назад я ворочусь.
Тогда-то будет нам о чём повесть словечко!
Я вспомню каждый час и каждое местечко;
Всё расскажу: дела ль, обычай ли какой,

Иль где какое видел диво.

Ты, слушая меня, представишь всё так живо,
Как будто б сам летал ты по свету со мной».

Тут – делать нечего – друзья поцеловались,

Простились и расстались.

Вот странник наш летит; вдруг в встречу дождь и гром;
Под ним, как океан, синее степь кругом.

Где деться? К счастью, дуб сухой в глаза попался;

Кой-как угнезвился, прижался

К нему наш Голубок;

Но ни от ветру он укрыться тут не мог,

Ни от дождя спастись: весь вымок и продрог.

Утих помалу гром. Чуть солнце просияло,

Желанье позывать бедняжку дале стало.

Встряхнулся и летит, – летит и видит он:

В заглушь под леском рассыпана пшеничка.

Спустился – в сети тут попалась наша птичка!

Беды со всех сторон!

Трепещется он, рвётся, бьётся;

По счастью, сеть стара: кой-как её прорвал,

Лишь ножку вывихнул да крылышко помял!

Но не до них: он прочь без памяти несётся.

Вот, пуше той беды беда над головой!

Отколь ни взялся ястреб злой;

Не взвидел света Голубь мой!

От ястреба из сил последних машет.
Ах, силы вкоротке! совсем истощены!
Уж когти хищные над ним распущены;
Уж холодом в него с широких крыльев пашет.
Тогда орёл, с небес направля свой полет,
    Ударил в ястреба всей силой –
И хищник хищнику достался на обед.
    Меж тем наш Голубь милой,
Вниз камнем ринувшись, прижался под плетнём.
    Но тем ещё не кончилось на нём:
    Одна беда всегда другую накликает.
    Ребёнок, черепком наметя в Голубка, –
    Сей возраст жалости не знает –
Швырнул и раскроил висок у бедняка.
Тогда-то странник наш, с разбитой головою,
С попорченным крылом, с повихнутой ногою,
    Кляня охоту видеть свет,
Поплёлся кое-как домой без новых бед.
Счастлив ещё: его там дружба ожидает!
    К отраде он своей,
Услуги лекаря и помощь видит в ней;
С ней скоро все беды и горе забывает.

О вы, которые объехать свет вокруг
    Желанием горите!
    Вы эту басенку прочтите,
И в дальний путь такой пускайтесь не вдруг,

Что́ б ни сулило вам воображенье ваше;
Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая иль где живёт ваш друг.

Лягушки, просящие Царя

Лягушкам стало не угодно
Правление народно,
И показалось им совсем не благородно
Без службы и на воле жить.
Чтоб горю пособить,
То стали у богов Царя они просить.
Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно,
На сей, однако ж, раз послушал их Зевес:
Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь с небес,

И плотно так он треснулся на царство,
Что ходенём пошло трясинно государство:

Со всех Лягушки ног
В испуге пометались,

Кто как успел, куда кто мог,
И шёпотом Царю по кельям дивовались.
И подлинно, что Царь на диво был им дан:

Не суетлив, не вертопрашен,
Степенен, молчалив и важен;
Дородством, ростом великан,

Ну, посмотреть, так это чудо!

Одно в Царе лишь было худо:

Царь этот был осиновый чурбан.

Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смеет подступить из подданных никто:
Со страхом на него глядят они, и то
Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;

Но так как в свете чуда нет,

К которому б не пригляделся свет,
То и они сперва от страху отдохнули,
Потом к Царю подползть с преданностью дерзнули;

Сперва перед Царём ничком;

А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком:

Дай попытаться сесть с ним рядом;

А там, которые ещё поудалей,

К Царю садятся уж и задом.

Царь терпит всё по милости своей.

Немного погодя, посмотришь, кто захочет,
Тот на него и вскочит.

В три дня наскучило с таким Царём житьё.
Лягушки новое челобитьё,
Чтоб им Юпитер в их болотную державу
Дал подлинно Царя на славу!
Молитвам тёплым их внемля,
Послал Юпитер к ним на царство Журавля.

...ОН ВИНОВАТЫХ ЕСТ: А НА СУДЕ ЕГО НЕТ ПРАВЫХ НИКОГО...

Царь этот не чурбан, совсем иного нраву:

Не любит баловать народа своего;

Он виноватых ест: а на суде его

Нет правых никого;

Зато уж у него,

Что́ завтрак, что́ обед, что́ ужин, то расправа.

На жителей болот

Приходит чёрный год.

В Лягушках каждый день великий недочёт.

С утра до вечера их Царь по царству ходит

И всякого, кого ни встретит он,

Тотчас засудит и – проглотит.

Вот пуще прежнего и кваканье и стон,

Чтоб им Юпитер снова

Пожаловал Царя инова;

Что нынешний их Царь глотает их, как мух;

Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)

Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;

Что, наконец, их Царь тошнее им засух.

«Почто ж вы прежде жить счастливо не умели?

Не мне ль, безумные, – вещал им с неба глас, –

Покоя не было от вас?

Не вы ли о Царе мне уши прошумели?

Вам дан был Царь? – так тот был слишком тих:

Вы взбунтовались в вашей луже,

Другой вам дан – так этот очень лих:
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»»

Вельможа и Философ

Вельможа, в праздный час толкуя с Мудрецом
О том о сём,
«Скажи мне, – говорит, – ты свет довольно знаешь,
И, будто в книге, ты в сердцах людей читаешь:
Как это, что мы ни начнём,

Суды ли, общества ль учёны заведём,
Едва успеем оглянуться,
Как первые невежи тут вотрутся?
Ужли от них совсем лекарства нет?» –
«Не думаю, – сказал Мудрец в ответ, –
И с обществами та ж судьба (сказать меж нами),
Что с деревянными домами». –
«Как?» – «Так же: я вот свой достроил сими днями;
Хозяева в него ещё не вобрались,
А уж сверчки давно в нём завелись».

Волк на псарне

Волк ночью, думая залезть в овчарню,

Попал на псарню.

Поднялся вдруг весь псарный двор –

Почуя серого так близко забияку,

Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;

Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»

И вмиг ворота на запор;

В минуту псарня стала адом.

Бегут: иной с дубьём,

Иной с ружьём.

«Огня! – кричат, – огня!» Пришли с огнём.

Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,

Зубами щёлкая и ощетиня шерсть,

Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;

Но, видя то, что тут не перед стадом

И что приходит наконец

Ему расчесться за овец, –

Пустился мой хитрец

В переговоры

И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?

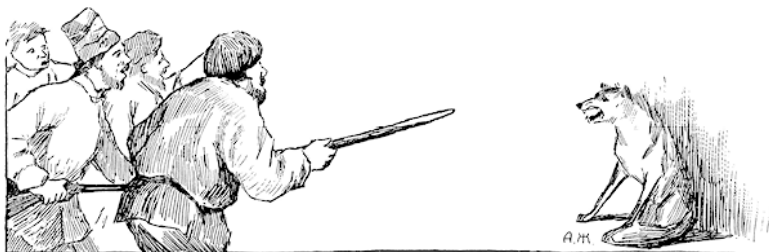
Я, ваш старинный сват и кум,

Пришёл мириться к вам, совсем не ради ссоры;

Забудем прошлое, оставим общий лад!

А я не только впредь не трону здешних стад,

Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» – «Послушай-ка, сосед, –
Тут ловчий перервал в ответ, –
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Петух и Жемчужное зерно

Навозну кучу разрывая,
Петух нашёл Жемчужное зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чём толку не поймут, то всё у них пустяк.

НАВОЗНУ КУЧУ РАЗРЫВАЯ, ПЕТУХ НАШЁЛ ЖЕМ-
ЧУЖНОЕ ЗЕРНО...

Лисица и Сурок

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?» –

Лисицу спрашивал Сурок.

«Ох, мой голубчик-куманёк!

Терплю напраслину и выслана за взятки.

Ты знаешь, я была в курятнике судьёй,

Утратила в делах здоровье и покой,

В трудах куска не доедала,

Ночей не досыпала,

И я ж за то под гнев подпала;

А всё по клеветам. Ну, сам подумай ты:

Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?

Мне взятки брать? да разве я взбешуся!

Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,

Чтоб этому была причастна я греху?

Подумай, вспомни хорошенько». –

«Нет, кумушка; а видывал частенько,

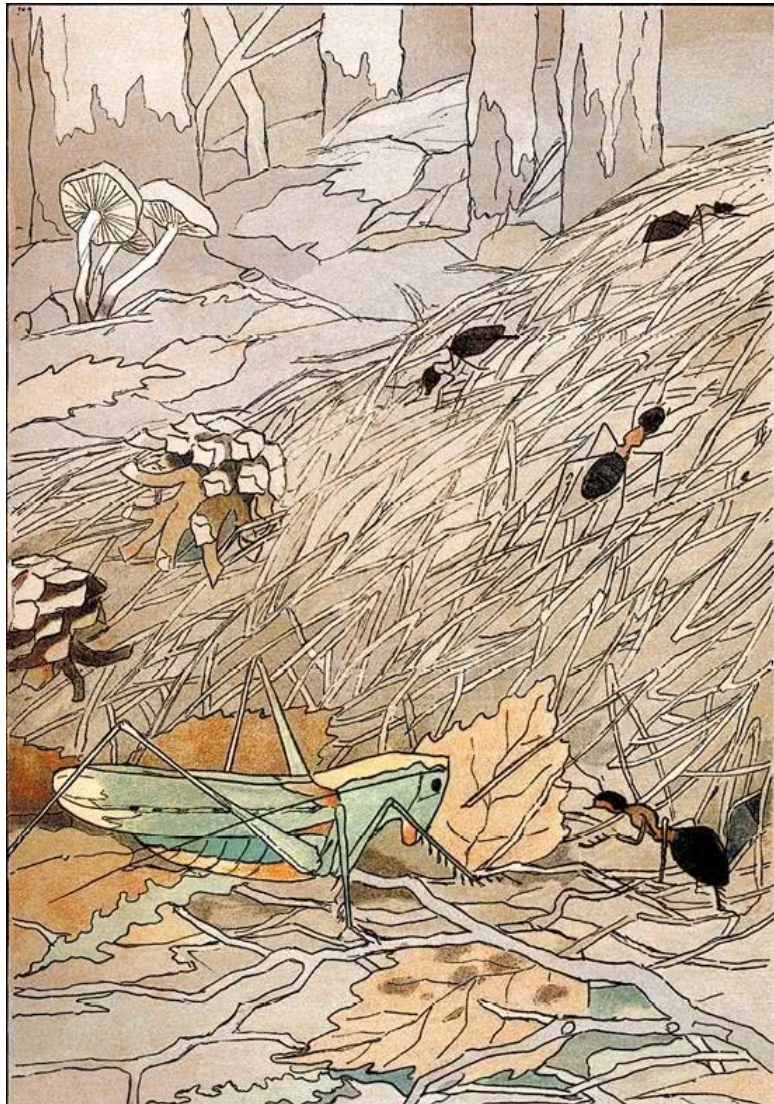
Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
    Что у него ни за собой,
    Ни за женой;
    А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
    Хоть по суду и не докажешь,
    Но как не согресишь, не скажешь,
Что у него пушок на рыльце есть.

Стрекоза и Муравей

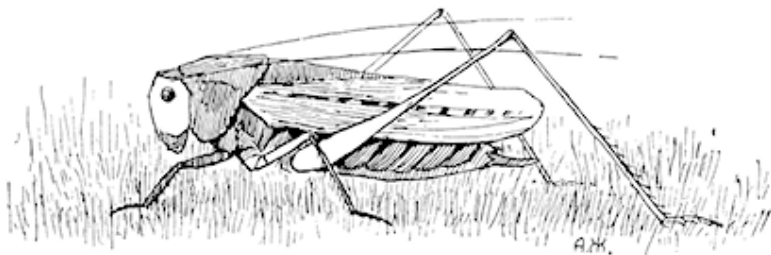
Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» –
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» –

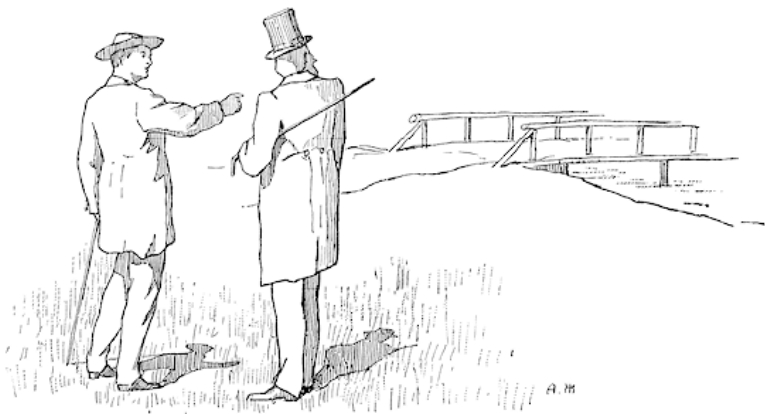
«ТЫ ВСЁ ПЕЛА? ЭТО ДЕЛО:
ТАК ПОДИ ЖЕ ПОПЛЯШИ!»

Говорит ей Муравей.

«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». –
«А, так ты...» – «Я без души
Лето целое всё пела». –
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же попляши!»

Лжец

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,

Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счёту прилагал.

«Нет, – говорит, – что я видал,
Того уж не увижу боле.

Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.

Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!

Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год всё видишь майский день.

Никто там ни садит, ни сеет,
А если б посмотрел, что там растёт и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:

Ах, мой творец!

И по сию не вспомнюсь пору!

Поверишь ли? ну, право, был он с гору». –
«Что за диковина! – приятель отвечал, –

На свете чудеса рассеяны повсюду,

Да не везде их всякий примечал.

Мы сами вот теперь подходим к чуду,

Какого ты нигде, конечно, не встречал,

И я в том спорить буду.

Вон, видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,

А свойство чудное имеет:

Лжец ни один у нас по нём пройти не смеет;

До половины не дойдёт –

Провалится и в воду упадёт;

Но кто не лжёт,

Ступай по нём, пожалуй, хоть в карете». –

«А какова у вас река?» –

«Да не мелка.

Так, видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том,
Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нём?» –
«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом». –

«Поверить трудно!

Однако ж как ни чудно,

А всё чудён и мост, по коем мы пойдём,

Что он Лжеца никак не подымает;

И нынешней ещё весной

С него обрушились (весь город это знает)

Два журналиста да портной.

Бесспорно, огурец и с дом величиной

Диковинка, коль это справедливо». –

«Ну, не такое ещё диво;

Ведь надо знать, как вещи есть:

Не думай, что везде по-нашему хоромы;

Что там за дома:

В один двоим за нужду влезть,

И то ни стать, ни сесть!» –

«Пусть так, но всё признаться должно,

Что огурец не грех за диво счесть,

В котором двум усесться можно.

Однако ж мост-ат наш каков,

Что Лгун не сделает на нём пяти шагов,

Как тотчас в воду!

Хоть римский твой и чуден огурец...» –

«Послушай-ка, – тут перервал мой Лжец, –

Чем на мост нам идти, поищем лучше броду».

Щука и Кот

Беда, коль пироги начнёт печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдёт на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот всегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело всё погубит,
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль её лукавый мучил
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил, –
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял её с собой он на охоту,
Мышей в анбаре половить.

ЗУБАСТОЙ ЩУКЕ В МЫСЛЬ ПРИШЛО ЗА КОШАЧЬЕ ПРИНЯТЬСЯ РЕМЕСЛО

«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? –

Стал Щуке Васька говорить. –

Смотри, кума, чтобы не осрамиться:

Недаром говорится,

Что дело мастера боится». –

«И, полно, куманёк! Вот невидаль: мышей!

Мы лавливали и ершей». –

«Так в добрый час, пойдём!» Пошли, засели.

Натешился, наелся Кот,

И кумушку проведать он идёт;

А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот, –
И крысы хвост у ней отъели.
Тут видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил её обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперёд умнее быть
И за мышами не ходить.

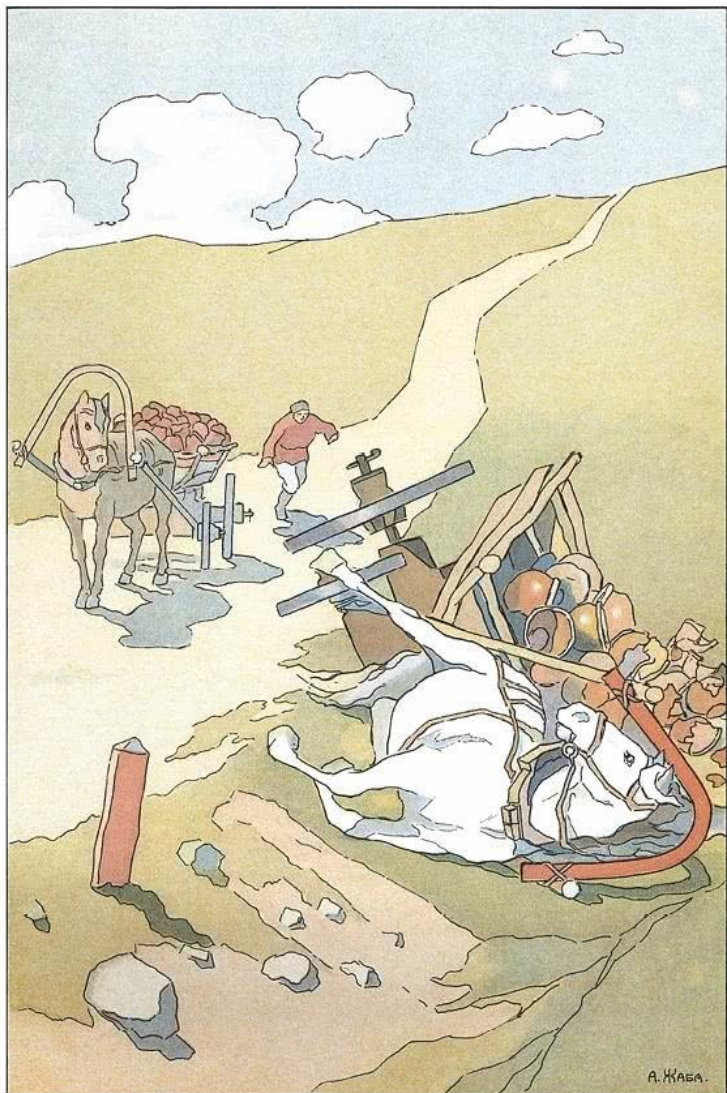
Обоз

С горшками шёл Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понёс,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хвалёный, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осёл! Добро бы было в гору
Или в ночную пору, –
А то и под гору, и днём!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменя!
Гляди-тко нас, как мы махнём!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не сvezём, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась,

Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
    Пустился конь со всех четырех ног
        На славу;
    По камням, рытвинам пошли толчки,
        Скачки,
Левей, левей, и с возом – бух в канаву!
    Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
    Всё кажется в другом ошибкой нам;
        А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

...ЛЕВЕЙ, ЛЕВЕЙ, И С ВОЗОМ – БУХ В КАНАВУ!
ПРОЩАЙ, ХОЗЯЙСКИЕ ГОРШКИ!

Воронёнок

Орёл

Из-под небес на стадо налетел

И выхватил ягнёнка,

А Ворон молодой вблизи на то смотрел.

Взманило это Воронёнка,

Да только думает он так: «Уж брать так брать,

А то и когти что марать!

Бывают и орлы, как видно, плоховаты.

Ну, только ль в стаде что ягняты?

Вот я как захочу

Да налечу,

Так царский подлинно кусочек подхвачу!»

Тут Ворон поднялся над стадом,

Окинул стадо жадным взглядом:

Из множества ягнят, баранов и овец

Высматривал, сличал и выбрал наконец

Барана, да какого?

Прежирного, прематерого,

Который доброму б и волку был в подъём.

Издадась, на него спустился

И в шерсть ему, что силы есть, вцепился.

Тогда-то он узнал, что добычь не по нём.

Что хуже и всего, так на баране том

Тулуп такой был прекосматый,

Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что из него когтей не вытербил вон
Затейник наш крылатый
И кончил подвиг тем, что сам попал в полон.
С барана пастухи его чиннёнько сняли;
А чтобы он не мог летать,
Ему все крылья окорнали
И детям отдали играть.

Нередко у людей то ж самое бывает,
Коль мелкий плут
Большому плуту подражает:
Что сходит с рук вора, за то воришек бьют.

Тришкин кафтан

У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:

По четверти обрезал рукавов –
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да что до этого печали?

Однако же смеётся Тришке всяк,
А Тришка говорит: «Так я же не дурак

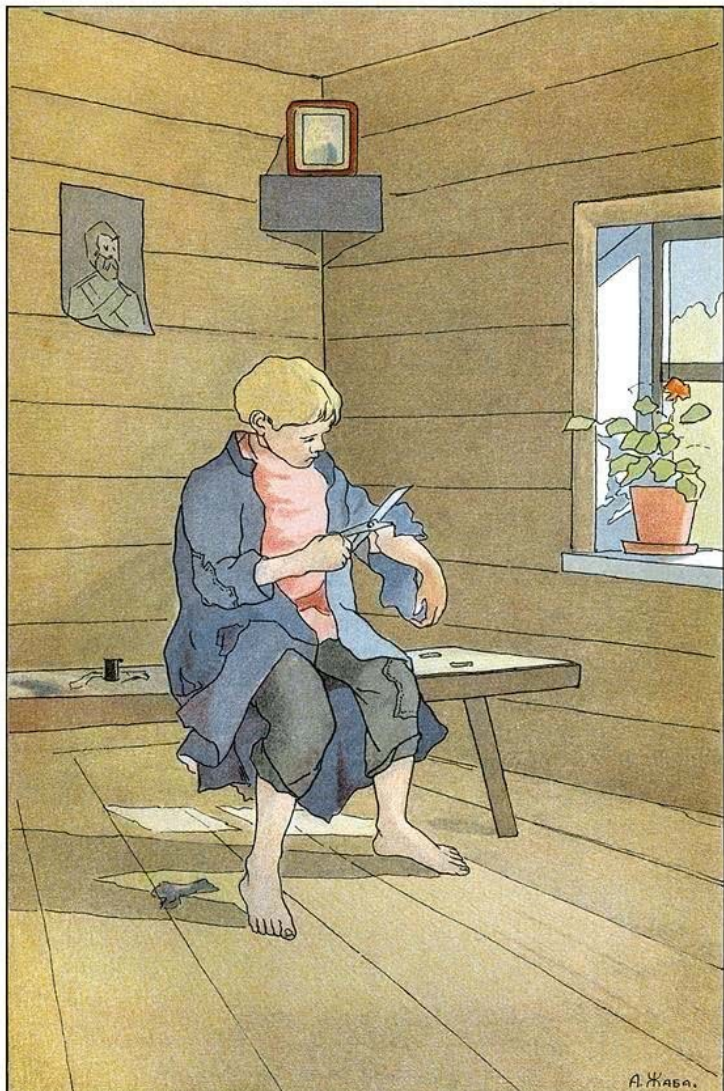
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».

О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда

Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют,
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

А. ЖАБА.

ОБРЕЗАЛ ФАЛДЫ ОН И ПОЛЫ,
НАСТАВИЛ РУКАВА, И ВЕСЕЛ ТРИШКА МОЙ...

Слон на воеводстве

Кто знатен и силён,
Да не умён,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однако же в семье не без урода:
Наш Воевода
В родню был толст,
Да не в родню был прост;
А с умыслу он мухи не обидит.
Вот добрый Воевода видит –
Вступило от овец прошение в Приказ:
«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас». –
«О плуты! – Слон кричит, – какое преступленье!
Кто грабить дал вам позволень?»
А волки говорят: «Помилуй, наш отец!
Не ты ль нам к зиме на тулупы
Позволил лёгонький оброк собрать с овец?
А что они кричат, так овцы глупы:
Всего-то придёт с них с сестры по шкурке снять;
Да и того им жаль отдать». –

«Ну, то-то ж, – говорит им Слон, – смотрите!

Неправды я не потерплю ни в ком:

По шкурке, так и быть, возьмите;

А больше их не троньте волоском».

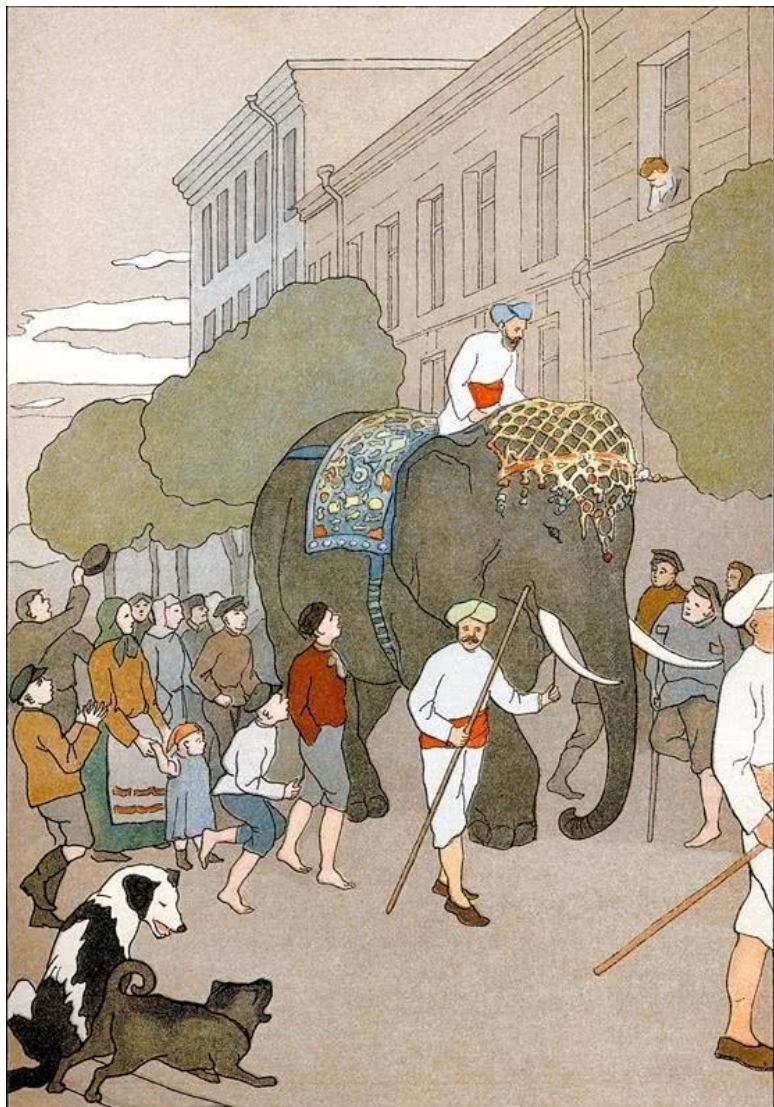

Слон и Моська

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ –
Известно, что Слоны в диковинку у нас, –
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться, –
Ей шавка говорит, – тебе ль с Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идёт
Вперёд
И лаю твоего совсем не примечает». –
«Эх, эх! – ей Моська отвечает, –
Вот то-то мне и духу придаёт,

Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пусть же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!»

ПО УЛИЦАМ СЛОНА ВОДИЛИ,
КАК ВИДНО, НАПОКАЗ...

Обезьяна

Как хочешь ты трудись,
Но приобрести не лъстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нет в твоих трудах ни пользы, ни забавы.

Крестьянин на заре с сохой
Над полосой своей трудился;
Трудился так крестьянин мой,
Что градом пот с него катился:
Мужик работник был прямой.
Зато, кто мимо ни проходит,
От всех ему: спасибо, исполать!
Мартышку это в зависть вводит.
Хвалы приманчивы, – как их не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбан, и ну над ним возиться!
Хлопот
Мартышке полон рот:
Чурбан она то понесёт,
То так, то сяк его обхватит,
То поволочет, то покатит;
Рекой с бедняжки льётся пот;

И наконец она, пыхтя, насилиу дышит.

А всё ни от кого похвал себе не слышит.

И не диковинка, мой свет!

Трудишься много ты, да пользы в этом нет.

Мешок

В прихожей на полу,
В углу,
Пустой Мешок валялся.
У самых низких слуг
Он на обтирку ног нередко помыкался;
Как вдруг
Мешок наш в честь попался
И, весь червонцами набит,
В окованном ларце в сохранности лежит.
Хозяин сам его лелеет,
И бережёт Мешок он так,
Что на него никак
Ни ветер не пахнёт, ни муха сесть не смеет;
А сверх того с Мешком
Весь город стал знаком.
Приятель ли к хозяину приходит:
Охотно о Мешке речь ласкову заводит;
А ежели Мешок открыт,
То всякий на него умильно так глядит;
Когда же кто к нему подсядет,
То верно уж его потреплет иль погладит.
Увидя, что у всех он стал в такой чести,
Мешок завеличался,
Заумничал, зазнался,

Мешок заговорил и начал вздор нести;
О всём и рядит он и судит:
И то не так,
И тот дурак,
И из того-то худо будет.
Все только слушают его, разинув рот,
Хоть он такую дичь несёт,
Что уши вянут:
Но у людей, к несчастью, тот порок,
Что им с червонцами Мешок
Что ни скажи, всему дивиться станут.
Но долго ль был Мешок в чести и слыл с умом,
И долго ли его ласкали?
Пока все из него червонцы потаскали;
А там он выброшен, и слуху нет о нём.

Мы басней никого обидеть не хотели;
Но сколько есть таких Мешков
Между откупщиков,
Которы некогда в подносчиках сидели;
Иль между игроков,
Которы у себя за редкость рубль видали,
А ныне, пополам с грехом, богаты стали;
С которыми теперь и графы и князья –
Друзья;
Которые теперь с вельможей,
У коего они не смели сесть в прихожей,

Играют запросто в бостон?

Велико дело – миллион!

Однако же, друзья, вы столько не гордитесь!

Сказать ли правду вам тишком?

Не дай бог, если разоритесь:

И с вами точно так поступят, как с Мешком.

Лев и Комар

Бессильному не смейся
И слабого обидеть не моги!
Мстят сильно иногда бессильные враги;
Так слишком на свою ты силу не надейся!
Послушай басню здесь о том,
Как больно Лев за спесь наказан Комаром.
Вот что о том я слышал стороною:
Сухое к Комару явил презренье Лев;
Зло взяло Комара: обиды не стерпев,
Собрался, поднялся Комар на Льва войною.
Сам ратник, сам трубач, пищит во всю гортань
И вызывает Льва на смертоносу брань.
Льву смех, но наш Комар не шутит:
То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он трубит!
И, место высмотрев и время улуча,
Орлом на Льва спустился
И Льву в крестец всем жалом впился.
Лев дрогнул и взмахнул хвостом на трубача.
Увёртлив наш Комар, да он же и не трусит!
Льву сел на самый лоб и Львину кровь сосёт.
Лев голову крутит, Лев гривую трясёт;
Но наш герой своё несёт:
То в нос забьётся Льву, то в ухо Льва укусит.
Вздурился Лев,

Престрашный поднял рев,
Скрежещет в ярости зубами
И землю он дерёт когтями.

От рыка грозного окружный лес дрожит.
Страх обнял всех зверей; всё кроется, бежит:

Отколь у всех взялися ноги,
Как будто бы пришёл потоп или пожар!

И кто ж? Комар

Наделал столько всем тревоги!

Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,
О землю грянулся и миру запросил.

Насытил злость Комар; Льва жалует он миром:
Из Ахиллеса вдруг становится Омиром

И сам

Летит трубить свою победу по лесам.

ЛЬВУ СМЕХ, НО НАШ КОМАР НЕ ШУТИТ:
ТО С ТЫЛУ, ТО В ГЛАЗА, ТО В УШИ ЛЬВУ ОН ТРУ-
БИТ!

Огородник и Философ

Весной в своих грядках так рылся Огородник,
Как будто бы хотел он вырыть клад:

Мужик ретивый был работник,

И дюж и свеж на взгляд;

Под огурцы одни он взрыл с полсотни гряд.

Двор обо двор с ним жил охотник

До огородов и садов,

Великий краснойбай, названный друг природы,

Недоучённый Философ,

Который лишь из книг болтал про огороды.

Однако ж за своим он вздумал сам ходить

И тоже огурцы садить;

А между тем смеялся так соседу:

«Сосед, как хочешь ты потей,

А я с работою моею

Далёко от тебя уеду,

И огород твой при моём

Казаться будет пустырём.

Да, правду говорить, я и тому дивился,

Что огородишко твой кое-как идет.

Как ты ещё не разорился?

Ты, чай, ведь никаким наукам не учился?» –

«И некогда, – соседа был ответ. –

Прилежность, навык, руки:

Вот все мои тут и науки;

Мне Бог и с ними хлеб дает». –

«Невежа! восставать против наук ты смеешь?» –

«Нет, барин, не толкуй моих так криво слов:

Коль ты что путное затеешь,

Я перенять всегда готов». –

«А вот, увидишь ты, лишь лета б нам дожждаться...» –

«Но, барин, не пора ль за дело приниматься?

Уж я кой-что посеял, посадил;

А ты и гряд ещё не взрыл». –

«Да, я не взрыл, за недосугом;

Я всё читал

И вычитал,

Чем лучше: заступом их взрыть, сохой иль плугом.

Но время ещё не уйдёт». –

«Как вас, а нас оно не очень ждёт», –

Последний отвечал и тут же с ним расстался,

Взяв заступ свой;

А Философ пошёл домой.

Читал, выписывал, справлялся

И в книгах рылся и в грядях, –

С утра до вечера в трудах.

Едва с одной работой сладит,

Чуть на грядях лишь что взойдёт,

В журналах новость он найдёт –

Всё перероет, пересадит

На новый лад и образец.

Какой же вылился конец?

У Огородника возшло всё и поспело:

Он с прибылью, и в шляпе дело;
А Филосóf –
Без огурцов.

Крестьянин и Лисица

«Скажи мне, кумушка, что у тебя за страсть

Кур красть? –

Крестьянин говорил Лисице, встретясь с нею. –

Я, право, о тебе жалею!

Послушай, мы теперь вдвоём,

Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоём

Ни на волос добра не видно.

Не говоря уже, что красть и грех и стыдно

И что бранит тебя весь свет,

Да дня такого нет,

Чтоб не боялась ты за ужин иль обед

В курятнике оставить шкуры!

Ну, стоят ли того все куры?» –

«Кому такая жизнь сносна? –

Лисица отвечает. –

Меня так всё в ней столько огорчает,

Что даже мне и пища не вкусна.

Когда б ты знал, как я в душе честна!

Да что же делать? Нужда, дети;

Притом же иногда, голубчик кум,

И то приходит в ум,

Что я ли воровством одна живу на свете?

Хоть этот промысел мне точно острый нож». –

«Ну, что ж? –

Крестьянин говорит. – Коль вправду ты не лжёшь,

Я от греха тебя избавлю

И честный хлеб тебе доставлю;

Наймись курятник мой от лис ты охранять:

Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать?

Зато ни в чём не будешь ты нуждаться

И станешь у меня как в масле сыр кататься».

Торг слажен; и с того ж часа́

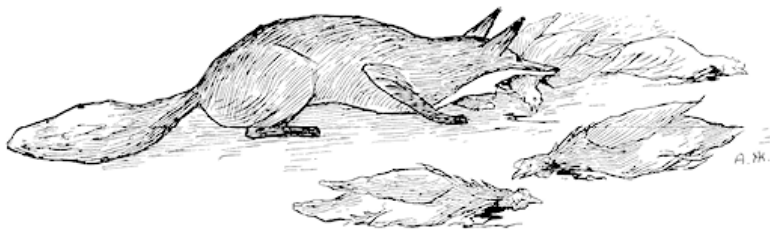
Вступила в караул Лиса.

Пошло у мужика житьё Лисе привольно;

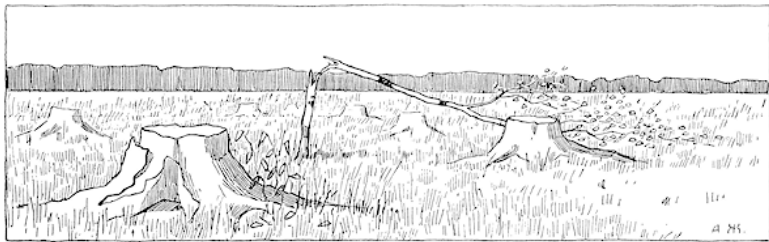
Мужик богат, всего Лисе довольно;
Лисица стала и сытей,
Лисица стала и жирней,
Но всё не сделалась честней:
Некраденый кусок приелся скоро ей;
И кумушка тем службу повершила,
Что, выбрав ночку потемней,
У куманька всех кур передушила.

В ком есть и совесть и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион –
Он воровать не перестанет.

Дерево

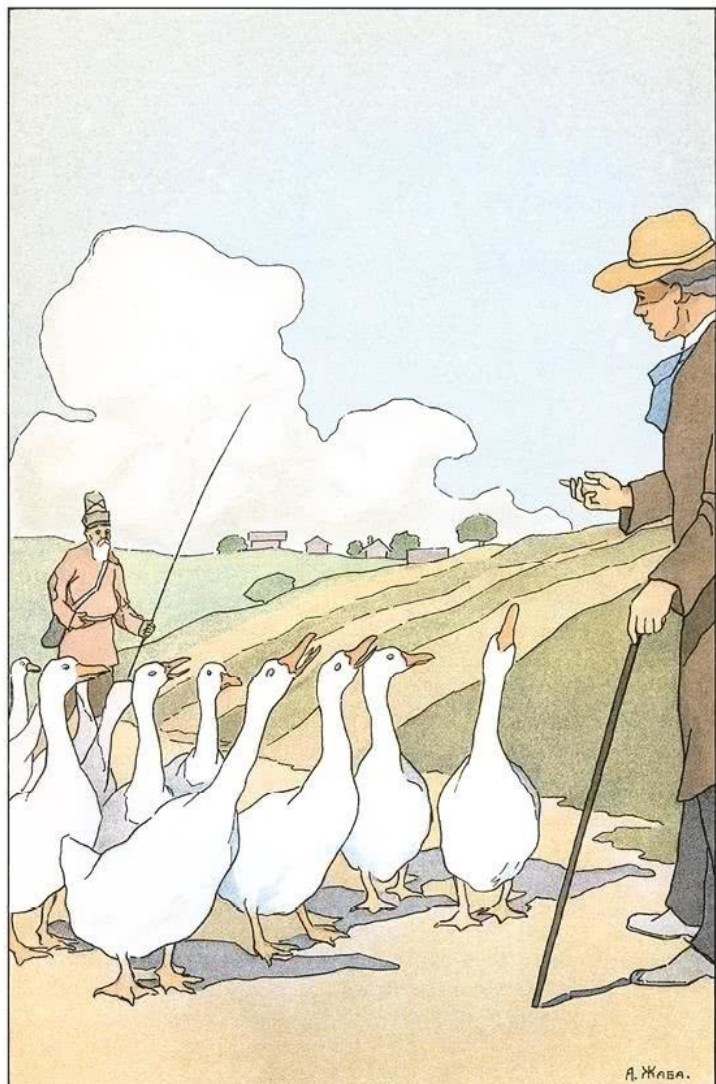
Увидя, что топор Крестьянин нес,
«Голубчик, – Деревцо сказалo молодое, –
Пожалуй, выруби вокруг меня ты лес,
Я не могу расти в покое:
Ни солнца мне не виден свет,
Ни для корней моих простору нет,
Ни ветеркам вокруг меня свободы,
Такие надо мной он сплесть изволил своды!
Когда б не от него расти помеха мне,
Я в год бы сделалось красою сей стране,
И тенью бы моей покрылась вся долина;
А ныне тонко я, почти как хворостина».

Взялся Крестьянин за топор,
И Дереву, как другу,
Он оказал услугу:
Вкруг Деревца большой очистился простор;
Но торжество его недолго было!

То солнцем дерево печёт,
То градом, то дождём сечёт,
И ветром, наконец, то Деревцо сломило.
«Безумное! – ему сказала тут змея, –
    Не от тебя ль беда твоя?
Когда б, укрытое в лесу, ты возрастало,
Тебе б вредить ни зной, ни ветры не могли,
    Тебя бы старые деревья берегли;
А если б некогда деревьев тех не стало,
    И время их бы отошло,
Тогда в свою черду ты столько б возросло,
    Усилилось и укрепилось,
Что нынешней беды с тобой бы не случилось,
И бурю, может быть, ты б выдержать могло!»

Гуси

Предлинной хворостиной
Мужик Гусей гнал в город продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гусиной:
На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснётся,
Не только там гусям, и людям достаётся).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали
И, встретясь с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:
«Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помывает,
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
А этого не смыслит неуч сей,
Что он обязан нам почтеньем;
Что мы свой знатный род ведём от тех Гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем:
Там даже праздники им в честь учреждены!» –
«А вы хотите быть за что отличены?» –
Спросил прохожий их. – «Да наши предки...» – «Знаю,

«ДА НАШИ ПРЕДКИ РИМ СПАСЛИ» – «ВСЁ ТАК, ДА
ВЫ ЧТО СДЕЛАЛИ ТАКОЕ?»

И всё читал: но ведать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?» –
«Да наши предки Рим спасли!» –
«Всё так, да вы что сделали такое?» –
«Мы? Ничего!» – «Так что ж и доброго в вас есть?
Оставьте предков вы в покое:
Им поделом была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Баснь эту можно бы и боле пояснить –
Да чтоб гусей не раздражить.

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
Вокруг конюшен там и кухню наслонялась;
    В сору, в навозе извалялась;
В помоях по уши досыта накупалась;
    И из гостей домой
    Пришла свинья-свиньёй.
«Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого? –
    Свинью спросил пастух. –
    Ведь идёт слух,
Что всё у богачей лишь бисер да жемчуг;
А в доме так одно богатеё другого?»
Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.
    Я не заметила богатства никакого:
    Всё только лишь навоз да сор;
А, кажется, уж, не жалея рыла,
    Я там изрыла
    Весь задний двор».

Не дай бог никого сравнением мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
    Который, что ни станет разбирать,
    Имеет дар одно худое видеть?

Волк и Лисица

Охотно мы дарим,
Что нам не надобно самим.
Мы это басней поясним,
Затем, что истина сноснее вполоткрыта.

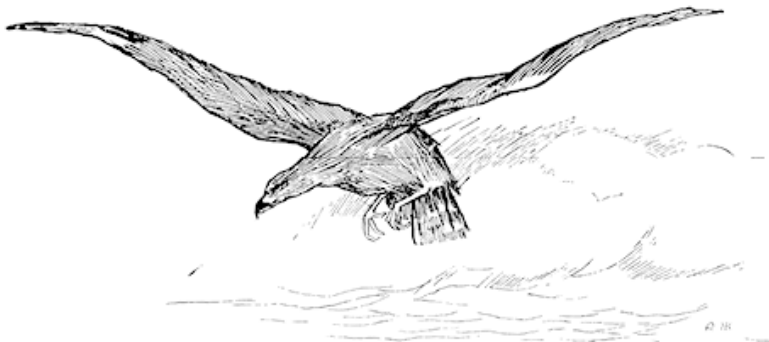
Лиса, курятинки накушавшись досыта
И добрый ворошок припрятавши в запас,
Под стогом прилегла вздремнуть в вечерний час.
Глядит, а в гости к ней голодный Волк тащится.
«Что, кумушка, беды! – он говорит. –
Ни косточкой не мог нигде я поживиться;
Меня так голод и морит;
Собаки злы, пастух не спит,
Пришло хоть удавиться!» –
«Неужли?» – «Право так». – «Бедняжка куманёк!
Да не изволишь ли сенца? Вот целый стог:
Я куму услужить готова».

А КУМУ НЕ СЕНЦА, ХОТЕЛОСЬ БЫ МЯСНОВА –
ДА ПРО ЗАПАС ЛИСА НИ СЛОВА

А куму не сенца, хотелось бы мяснова –
Да про запас Лиса ни слова.
И серый рыцарь мой,
Обласкан по уши кумой,
Пошёл без ужина домой.

Орёл и Крот

Не презирай совета ничьего,
Но прежде рассмотри его.

Со стороны прибыв далёкой
В дремучий лес, Орёл с Орлицею вдвоём
Задумали навек остаться в нём
И, выбравши ветвистый дуб высокой,
Гнездо себе в его вершине стали вить,
Надеясь и детей тут вывести на лето.
Услыша Крот про это,
Орлу взял смелость доложить,
Что этот дуб для их жилища не годится,

Что весь почти он в корне сгнил
И скоро, может быть, свалится,
Так чтоб Орёл гнезда на нём не вил.
Но кстати ли Орлу принять совет из норки,
И от Крота! А где же похвала,

Что у Орла

Глаза так зорки?

И что за стать Кротам мешаться сметь в дела
Царь-птицы!

Так, многого с Кротом не говоря,
К работе поскорей, советчика презря, –

И новоселье у царя

Поспело скоро для царицы.

Всё счастливо: уж есть и дети у Орлицы.

Но что ж? – Однажды, как зарей,

Орёл из-под небес к семье своей

С богатым завтраком с охоты торопился,

Он видит: дуб его свалился

И подавило им Орлицу и детей.

От горести невзвидя свету:

«Несчастный! – он сказал, –

За гордость рок меня так люто наказал,

Что не послушался я умного совету.

Но можно ль было ожидать,

Чтобы ничтожный Крот совет мог добрый дать?» –

«Когда бы ты не презрел мною, –

Из норки Крот сказал, – то вспомнил бы, что рою

Свои я норы под землей,

И что, случаясь близ корней,

Здорово ль дерево, я знать могу верней».

Квартет

Проказница Мартышка,
Осёл,
Козёл

Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.

Достали нот, баса, альты, две скрипки

И сели на лужок под липки

Пленять своим искусством свет.

Ударили в смычки, дерут, а толку нет.

«Стой, братцы, стой! – кричит Мартышка. – Погодите!

Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.

Ты с басом, Мишенька, садись против альты,

Я, прима, сяду против вторы;

Тогда пойдёт уж музыка не та:

У нас запляшут лес и горы!»

Расселись, начали Квартет;

Он всё-таки на лад нейдет.

«Постойте ж, я сыскал секрет! –

Кричит Осёл, – мы, верно, уж поладим,

Коль рядом сядем».

Послушались Осла: уселись чинно в ряд;

А всё-таки Квартет нейдет на лад.

Вот пуще прежнего пошли у них разборы

И споры,

Кому и как сидеть.
Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.
«Пожалуй, – говорят, – возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привести:
И ноты есть у нас, и инструменты есть,
Скажи лишь, как нам сесть!» –
«Чтоб музыкантом быть, так надобно уметь
И уши ваших понежней, –
Им отвечает Соловей, –
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

РАССЕЛИСЬ, НАЧАЛИ КВАРТЕТ; ОН ВСЁ-ТАКИ НА

ЛАД НЕЙДЕТ

Листы и Корни

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зелёностью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нём без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красотью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаётесь с нами». –
«Примолвить можно бы спасибо тут и нам», –
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» –
Листы, по дереву шумя, залепетали.

«Мы те, –
Им снизу отвечали, –
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветёте.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новой весной лист новый народится;
А если корень иссушится –
Не станет дерева, ни вас».

Лебедь, Щука и Рак

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, – судить не нам;
Да только воз и ныне там.

ОДНАЖДЫ ЛЕБЕДЬ, РАК ДА ЩУКА
ВЕЗТИ С ПОКЛАЖЕЙ ВОЗ ВЗЯЛИСЬ...

Пруд и Река

«Что это, – говорил Реке соседний Пруд, –
Как на тебя ни взглянешь,
А воды всё твои текут!
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притом же, вижу я почти всегда,
То с грузом тяжкие суда,
То долговязые плоты ты носишь,
Уж я не говорю про лодки, челноки:
Им счёту нет! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высох бы с тоски.
В сравнении с твоим, как жребий мой приятен!
Конечно, я не знатен,
По карте не тянусь я через целый лист,
Мне не бренчит похвал какой-нибудь гуслист:
Да это, право, всё пустое!
Зато я в илистых и мягких берегах,
Как барыня в пуховиках,
Лежу и в неге, и в покое;
Не только что судов
Или плотов
Мне здесь не для чего страшиться:
Не знаю даже я, каков тяжёл челнок;
И много, ежели случится,
Что по воде моей чуть зыблется листок,

Когда его ко мне забросит ветерок.

Что беззаботную заменит жизнь такую?

За ветрами со всех сторон,

Не движась, я смотрю на суету мирскую

И философствую сквозь сон». –

«А, философствуя, ты помнишь ли закон? –

Река на это отвечает, –

Что свежесть лишь вода движеньем сохраняет?

И если стала я великою рекой,

Так это оттого, что, кинувши покой,

Последую сему уставу.

Зато по всякий год

Обилием и чистотою вод

И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу,

И буду, может быть, ещё я веки течь,

Когда уже тебя не будет и в помине

И о тебе совсем исчезнет речь».

Слова её сбылись: она течёт поныне;

А бедный Пруд год от году всё глож,

Заволочён весь тиною глубокой,

Зацвёл, зарос осокой

И наконец совсем иссох.

Так дарование без пользы свету вянет,

Слабея всякий день,

Когда им овладеет лень

И оживлять его деятельность не станет.

Цветы

В отворенном окне богатого покоя,
    В фарфоровых, расписанных горшках,
Цветы поддельные, с живыми вместе стоя,
    На проволочных стебельках
    Качались спесиво
И выставляли всем красу свою на диво.
    Вот дождик начал накрапать.
Цветы тафтяные Юпитера тут просят:
    Нельзя ли дождь унять;
Дождь всячески они ругают и поносят.
«Юпитер! – молятся, – ты дождик прекрати,
    Что́ в нём пути
    И что́ его на свете хуже?
    Смотри, нельзя по улице пройти:
    Везде лишь от него и грязь и лужи».
Однако же Зевес не внял мольбе пустой,
И дождь себе прошёл свою полосой.
    Прогнавши зной,
Он воздух прохладил; природа оживилась,
    И зелень вся как будто обновилась.
Тогда и на окне Цветы живые все
    Раскинулись во всей своей красе
    И стали от дождя душистей,
    Свежее и пушистей.

А бедные Цветы поддельные с тех пор
Лишились всей красы и брошены на двор,
Как сор.

Таланты истинны за критику не злятся:
Их повредить она не может красоты,
Одни поддельные цветы
Дождя боятся.

Демьянова Уха

«Соседушка, мой свет!
Пожалуй-ста покушай». –
«Соседушка, я сыт по горло». – «Нужды нет,
Ещё тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» –
«Я три тарелки съел». – «И, полно, что за счёты:
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ешь до дна!
Что́ за уха! Да как жирна:
Как будто янтарём подёрнулась она.

Потешь же, миленький дружок!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Ещё хоть ложечку! Да кланяйся, жена!» –
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыха, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.

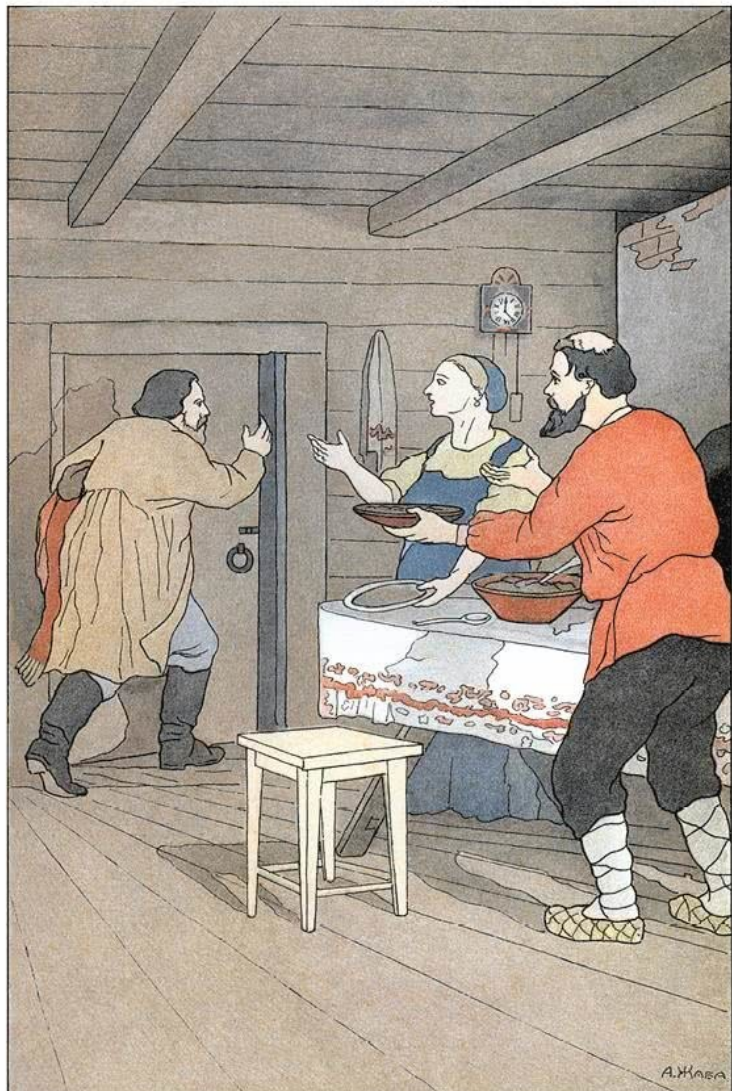
Однако же ещё тарелку он берёт:

Сбирается с последней силой
И очищает всю. «Вот друга я люблю! –
Вскричал Демьян. – Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же ещё тарелочку, мой милой!»

Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой –
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать вовремя не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

«НУ, СКУШАЙ ЖЕ ЕЩЁ ТАРЕЛОЧКУ, МОЙ МИЛОЙ»

Мышь и Крыса

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? –
Вбежавши, Крысе Мышь сказала, –
Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
Вот отдохнуть и нам пора настала!» –
«Не радуйся, мой свет, –
Ей Крыса говорит в ответ, –
И не надейся по-пустому!
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

Чиж и Голубь

Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль, – говорит, – средь бела дня
Попался!

Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».
Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!

Вперёд чужой беде не смейся, Голубок.

Волк и Журавль

Что волки жадны, всякий знает:

Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.

Зато на одного из них пришла беда:

Он костью чуть не подавился.

Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;

Пришло хоть ноги протянуть!

По счастью, близко тут Журавль случился.

Вот кой-как знаками стал Волк его манить

И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шею

Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею

Кость вытащил и стал за труд просить.

«Ты шутишь! – зверь вскричал коварный, –

Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!

А это ничего, что свой ты долгий нос

И с глупой головой из горла цел унёс!

Поди ж, приятель, убирайся,

Да берегись: вперёд ты мне не попадайся».

ЖУРАВЛЬ СВОЙ НОС ПО ШЕЮ
ЗАСУНУЛ К ВОЛКУ В ПАСТЬ...

Медведь у пчёл

Когда-то, о весне, зверями
В надсмотрщики Медведь был выбран над ульями,
Хоть можно б выбрать тут другого поверней,
Затем что к мёду Мишка падок,
Так не было б оглядок;
Да спрашивай ты толку у зверей!
Кто к ульям ни просился,
С отказом отпустили всех,
И, как на смех,
Тут Мишка очутился.
Ан вышел грех:
Мой Мишка потаскал весь мёд в свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,

По форме нарядили суд,
Отставку Мишке дали
И приказали,
Чтоб зиму пролежал в берлоге старый плут.
Решили, справили, скрепили;
Но мёду всё не воротили.
А Мишенька и ухом не ведёт:
Со светом Мишка распрощался,
В берлогу тёплую забрался
И лапу с мёдом там сосёт
Да у моря погоды ждёт.

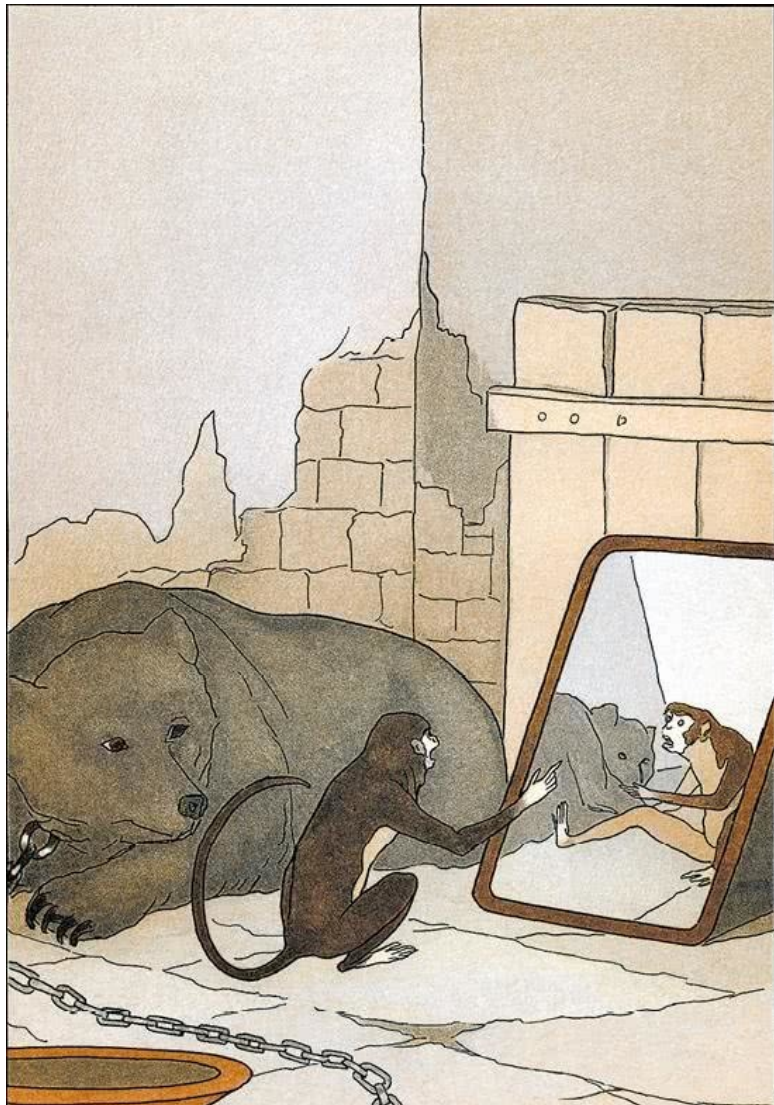
Зеркало и Обезьяна

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка, – говорит, – кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у неё ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на неё хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть». –
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» –
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

**«Я УДАВИЛАСЬ БЫ С ТОСКИ, КОГДА БЫ
НА НЕЁ ХОТЬ ЧУТЬ БЫЛА ПОХОЖА»**

Лев и Лисица

Лиса, не видя сроду Льва,
С ним встретясь, со страстей осталась чуть жива.
Вот, несколько спустя, опять ей Лев попался,
Но уж не так ей страшен показался.
А третий раз потом
Лиса и в разговор пустилася со Львом.

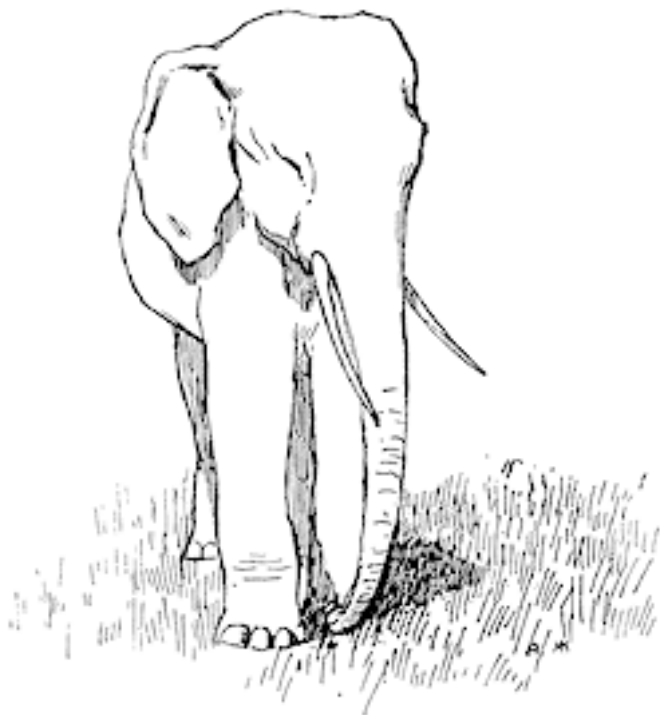
Иного так же мы боимся,
Поколь к нему не приглядимся.

Слон в случае

Когда-то в случай Слон попал у Льва.
В минуту по лесам прошла о том молва,
И так, как водится, пошли догадки,
Чем в милость втёрся Слон?
Не то красив, не то забавен он;
Что за приём, что за ухватки!
Толкуют звери меж собой.
«Когда бы, – говорит, вертя хвостом, Лисица, –
Был у него пушистый хвост такой,
Я не дивилась бы». – «Или, сестрица, –
Сказал Медведь, – хотя бы по когтям
Он сделался случайным,
Никто того не счёл бы чрезвычайным:
Да он и без когтей, то всем известно нам». –
«Да не вошёл ли он в случай клыками? –
Вступился в речь их Вол, –
Уж не сочли ли их рогами?» –
«Так вы не знаете, – сказал Осёл,
Ушами хлопая, – чем мог он полюбиться
И в знать добиться?
А я так отгадал –
Без длинных бы ушей он в милость не попал».

Нередко мы, хотя того не замечаем,
Себя в других охотно величаем.

Лягушка и Юпитер

Живущая в болоте, под горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;
Нашла там тинистый в лощинке уголок
И завела домок
Под кустиком, в тени, меж травки, как раёк;
Однако ж им она недолго веселилась.
Настало лето, с ним жары,
И дачи Квакушки так сделались сухи,
Что, ног не замоча, по ним бродили мухи.
«О боги! – молится Лягушка из норы, –
Меня вы, бедную, не погубите
И землю ровень хоть с горою затопите,
Чтобы в моих поместьях никогда
Не высыхала бы вода!»
Лягушка вопит без умолку
И наконец Юпитера бранит,
Что нету в нём ни жалости, ни толку.
«Безумная! – Юпитер говорит
(Знать, не был он тогда сердит), –
Как квакать попусту тебе охота!
И чем мне для твоих затей
Перетопить людей,
Не лучше ль вниз тебе стащиться до болота?»

На свете много мы таких людей найдём,
Которым всё, кроме себя, постыло,
И кои думают, лишь мне бы ладно было,
А там весь свет гори огнём.

ОХОТНИК

Как часто говорят в делах: ещё успею.

Но надобно признаться в том,

Что это говорят, спросяся не с умом,

А с ленью своею.

Итак, коль дело есть, скорей его кончай,

Иль после на себя ропщи, не на случай,

Когда оно тебя застанет невзначай.

На это басню вам скажу я, как умею.

Охотник, взяв ружьё, патронницу, суму

И друга верного по нраву и обычью,
Гектóra, – в лес пошёл за дичью,
Не зарядя ружья, хоть был совет ему,
Чтоб зарядил ружьё он дома.
«Вот вздор! – он говорит, – дорога мне знакома.
На ней ни воробья не видел я родясь;
До места ж ходу целый час,
Так зарядить ещё успею я сто раз».
Но что ж? Лишь вон из жила
(Как будто бы над ним Фортуна подшутила),
По озерку
Гуляют утки целым стадом;
И нашему б тогда Стрелку
Легко с полдюжины одним зарядом
Убить
И на неделю с хлебом быть,
Когда б не отложил ружья он зарядить.
Теперь к заряду он скорее; только утки
На это чутки:
Пока с ружьём возился он,
Они вскричали, встрепенулись,
Взвились и – за леса верёвкой потянулись,
А там из виду скрылись вон.
Напрасно по лесу Стрелок потом таскался,
Ни даже воробей ему не попадался;
А тут к беде ещё беда:
Случись тогда
Ненастье.
И так Охотник мой,

Измокши весь, пришёл домой
С пустой сумой;
А всё-таки пенял не на себя, на счастье.

Муравей

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верной)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:

Где б ни завидел червяка,
Тотчас в него впивался

И даже хаживал один на паука.

А тем вошёл в такую славу

Он в муравейнике своём,

Что только и речей там было, что о нём.

Я лишние хвалы считаю за отраву;

Но этот Муравей был не такого нраву:

Он их любил,

Своим их чванством мерил

И всем им верил;

А ими наконец так голову набил,

Что вздумал в город показаться,

Чтоб силой там повеличатся.
На самый крупный с сеном воз
Он к мужику спесиво всполз
И въехал в город очень пышно;
Но, ах, какой для гордости удар!
Он думал, на него сбежится весь базар,
    Как на пожар;
    А про него совсем не слышно:
    У всякого забота там своя.
Мой Муравей, то, взяв листок, потянет,
    То припадёт он, то привстанет:
    Никто не видит Муравья.
Уставши наконец тянуться, выправляться,
    С досадою Барбосу он сказал,
Который у воза хозяйского лежал:
    «Не правда ль, надобно признаться,
        Что в городе у вас
        Народ без толку и без глаз?
Возможно ль, что меня никто не примечает,
    Как ни тянусь я целый час;
        А, кажется, у нас
        Меня весь муравейник знает».
И со стыдом отправился домой.

Так думает иной
    Затейник,
Что он в подсолнечной гремит,

А он – дивит
Свой только муравейник.

Совет Мышей

Когда-то вздумалось Мышам себя прославить
И, несмотря на кошек и котов,
Свести с ума всех ключниц, поваров
И славу о своих делах трубить заставить
От погребов до чердаков;
А для того Совет назначено составить,
В котором заседать лишь тем, у коих хвост
Длиной во весь их рост:
Примета у Мышей, что тот, чей хвост длиннее,
Всегда умнее
И расторопнее везде.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будем;
Притом же об уме мы сами часто судим
По платью иль по бороде.
Лишь нужно знать, что с общего сужденья
Всё длиннохвостых брать назначено в Совет;
У коих же хвоста, к несчастью, нет,
Хотя б лишились их они среди сраженья,
Но так как это знак иль неуменья,
Иль нераденья,
Таких в Совет не принимать,
Чтоб из-за них своих хвостов не растерять.
Всё дело слажено; повешено собрание,
Как ночь настанет на дворе;

И наконец в мучном ларе

Открыто заседание.

Но лишь позаняли места,

Ан, глядь, сидит тут крыса без хвоста.

Приметя то, седую Мышь толкает

Мышонок молодой

И говорит: «Какой судьбой

Бесхвостая здесь с нами заседает?

И где же делся наш закон?

Дай голос, чтоб её скорее выслать вон.

Ты знаешь, как народ бесхвостых наш не любит;

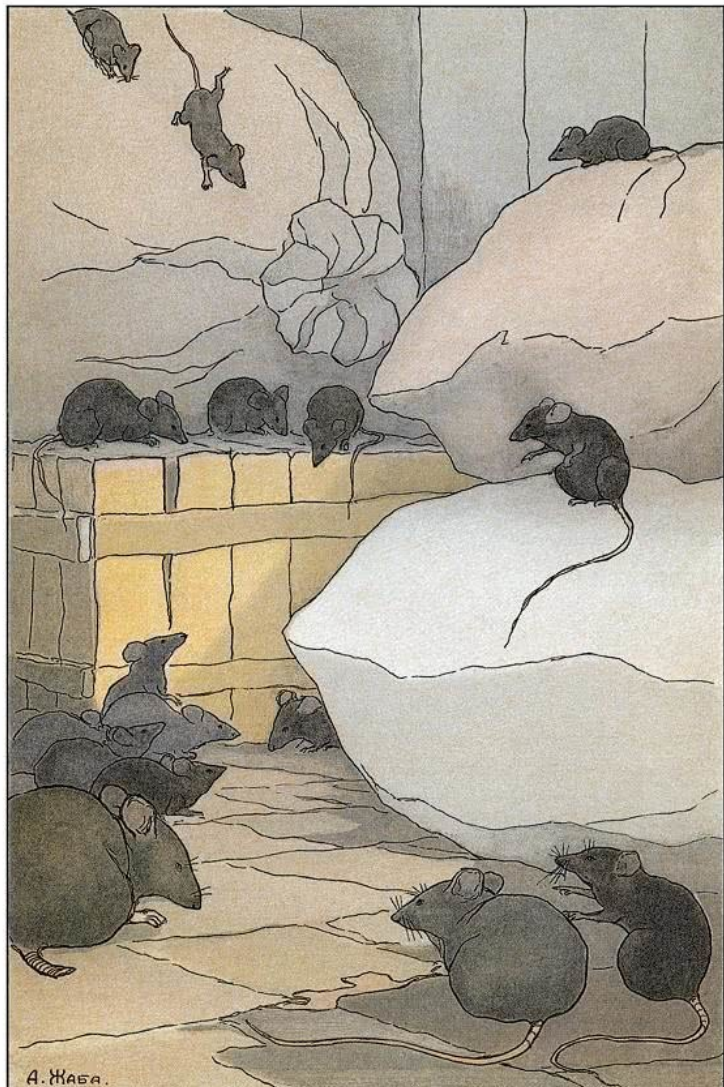
И можно ль, чтоб она полезна нам была,

Когда и своего хвоста не сберегла?

Она не только нас, подполицу всю сгубит».

А Мышь в ответ: «Молчи! всё знаю я сама;

Да эта крыса мне кума».

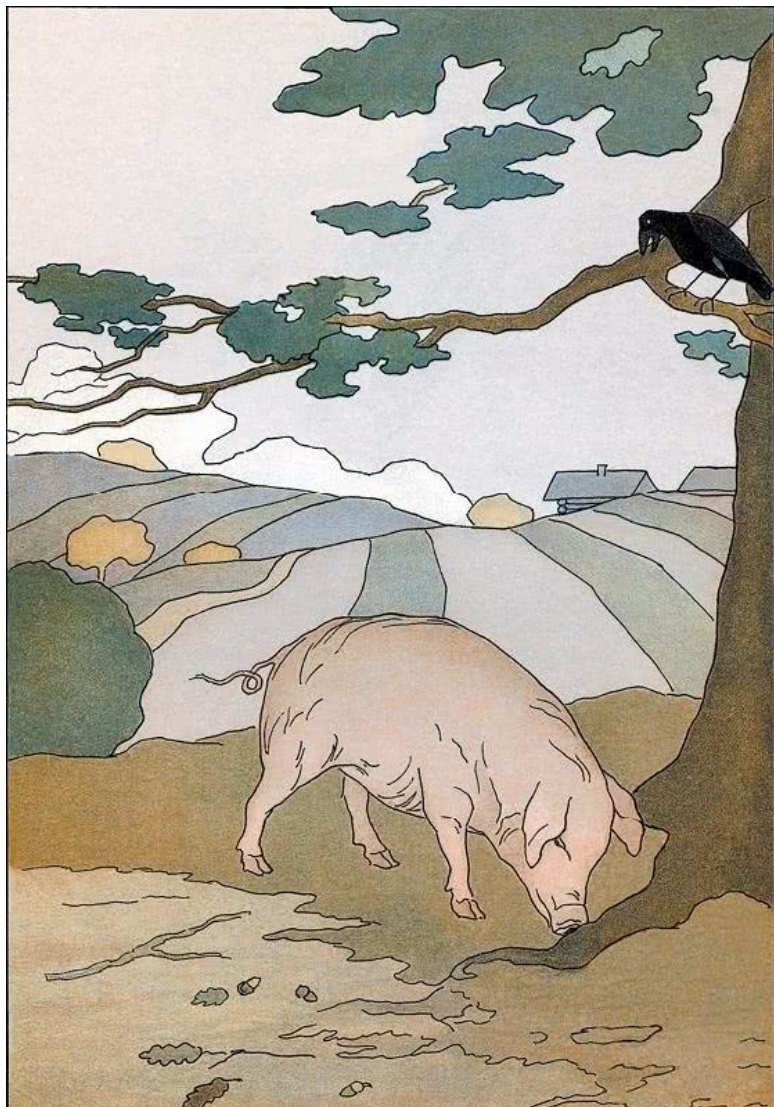

**...И НАКОНЕЦ В МУЧНОМ ЛАРЕ
ОТКРЫТО ЗАСЕДАНИЕ**

Свинья под Дубом

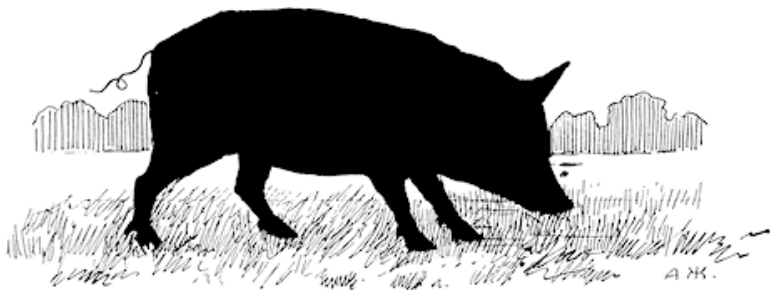
Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит, –
Ей с Дубу ворон говорит, –
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может». –
«Пусть сохнет, – говорит Свинья, –
Ничуть меня то не тревожит;
В нём проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею». –
«Неблагодарная! – примолвил Дуб ей тут, –
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жёлуди на мне растут».

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ ВЕКОВЫМ НАЕЛАСЬ ЖЕЛУДЕЙ ДОСЫТА, ДО ОТВАЛА...

Невежда также в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все учёные труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Лисица и Виноград

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нём винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись,
А кисти сочные как яхонты горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдёт,
Хоть видит око,
Да зуб неймёт.
Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен – ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьёшь».

Булыжник и Алмаз

Потерянный Алмаз валялся на пути;
Случилось наконец купцу его найти.

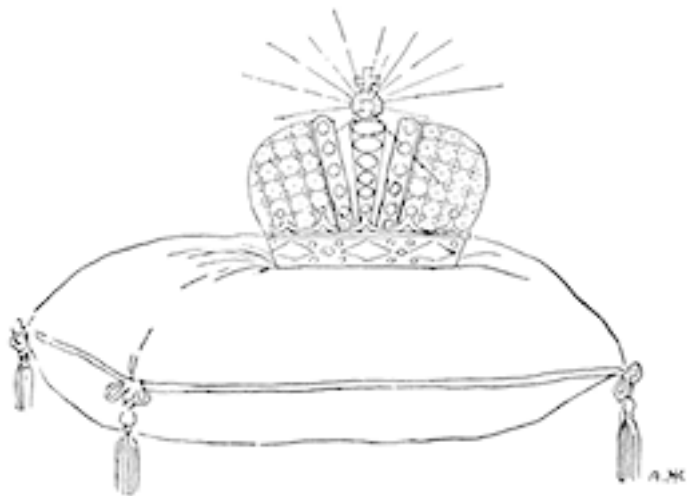
Он от купца

Царю представлен,

Им куплен, в золоте оправлен
И украшением стал царского венца.

Узнав про то, Булыжник развозился,
Блестящею судьбой Алмаза он прельстился
И, видя мужика, его он просит так:
«Пожалуйста, земляк,

Возьми меня в столицу ты с собою!
За что здесь под дождём и в слякоти я ною?
А наш Алмаз в чести, как говорят.
Не понимаю я, за что он в знать попался?
Со мною сколько лет здесь рядом он валялся;
Такой же камень он, и мне набитый брат.
Возьми ж меня. Как знать? Коль там я покажуся,
То также, может быть, на дело пригожуся».
Взял камень мужичок на свой тяжёлый воз,
И в город он его привёз.
Ввалился камень мой и думает, что разом
Засядет рядом он с Алмазом;
Но вышел для него случай совсем иной:
Он точно в дело взят, но взят для мостовой.

Котёл и Горшок

Горшок с Котлом большую дружбу свёл;
Хотя и познатней породю Котёл,
Но в дружбе что за счёт? Котёл горой за свата;

Горшок с Котлом за панибрата;
Друг без друга они не могут быть никак;
С утра до вечера друг с другом неразлучно;
И у огня им порознь скучно;
И, словом, вместе всякий шаг,
И с очага и на очаг.

Вот вздумалось Котлу по свету прокатиться,
И друга он с собой зовёт;

Горшок наш от Котла никак не отстаёт
И вместе на одну телегу с ним садится.
Пустилися друзья по тряской мостовой,
Толкаются в телеге меж собой.

Где горки, рытвины, ухабы –
Котлу безделица; Горшки натурой слабы:
От каждого толчка Горшку большой наклад;
Однако ж он не думает назад,
И глиняный Горшок тому лишь рад,
Что он с Котлом чугунным так сдружился.

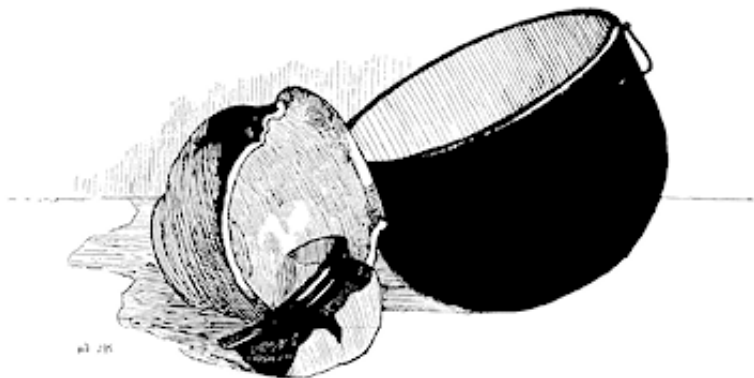
Как странствия их были далеки,
Не знаю; но о том я точно известился,
Что цел домой Котёл с дороги воротился,

А от Горшка одни остались черепки.

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство в любви и дружбе вещь святая.

Волк и Кот

Волк из лесу в деревню забежал,

Не в гости, но живот спасая;

За шкуру он свою дрожал:

Охотники за ним гнались и гончих стая.

Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота́,

Да то лишь горе,

Что все ворота на запоре.

Вот видит Волк мой на заборе

Кота

И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,

Кто здесь из мужичков добрее,

Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?

Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!

Всё это ведь за мной». – «Проси скорей Степана;

Мужик предобрый он», – Кот Васька говорит.

«То так; да у него я ободрал барана». –

«Ну, попытайся ж у Демьяна». –

«Боюсь, что на меня и он сердит:

Я у него унёс козлёнка». –

«Беги ж, вон там живёт Трофим». –

«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:

Он на меня с весны грозитя за ягнёнка!» –

«Ну, плохо ж! Но авось тебя укроет Клим!» –

«Ох, Вася, у него зарезал я телёнка!» –

«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил, –

Сказал тут Васька Волку, –

Какую ж ты себе защиту здесь сулил?

Нет, в наших мужичках не столько мало толку,

Чтоб на свою беду тебя спасли они.

И правы, – сам себя вини:

Что ты посеял – то и жни».

Волки и Овцы

Овечкам от Волков совсем житья не стало,
И до того, что наконец
Правительство зверей благие меры взяло
Вступиться в спасенье Овец, –
И учреждён Совет на сей конец.
Большая часть в нём, правда, были Волки;
Но не о всех Волках ведь злые толки.
Видали и таких Волков, и многократ, –
Примеры эти не забыты, –
Которые ходили близко стад
Смирнёхонько – когда бывали сыты.
Так почему ж Волкам в Совете и не быть?
Хоть надобно Овец оборонить,
Но и Волков не вовсе ж притеснить.
Вот заседание в глухом лесу открыли;
Судили, думали, ряздили
И наконец придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как скоро Волк у стада забуянит
И обижать он Овцу станет,
То Волка тут властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот и в суд тотчас представить,
В соседний лес иль в бор».

В законе нечего прибавить, ни убавить.

Да только я видал: до этих пор, –
Хоть, говорят, Волкам и не спускают, –
Что будь Овца ответчик иль истец,

А только Волки всё-таки Овец

В леса таскают.

Лев и Мышь

У Льва просила Мышь смиренно позволения
Поблизости его в дупле завести селенье
И так примолвила: «Хотя-де здесь, в лесах,

Ты и могуч и славен;

Хоть в силе Льву никто не равен
И рёв один его на всех наводит страх,

Но будущее кто угадывать возьмётся –
Как знать? кому в ком нужда доведётся?

И как я ни мала кажусь,

А, может быть, подчас тебе и пригожусь». –

«Ты! – вскрикнул Лев. – Ты, жалкое создание!

За эти дерзкие слова

Ты стоишь смерти в наказанье.

Прочь, прочь отсель, пока жива –

Иль твоего не будет праху».

Тут Мышка бедная, не вспомнясь от страху,

Со всех пустилась ног – простыл её и след.

Льву даром не прошла, однако ж, гордость эта:

Отправяся искать добычи на обед,

Попался он в тенета.

Без пользы сила в нём, напрасен рёв и стон,

ТУТ МЫШКА БЕДНАЯ, НЕ ВСПОМНЯСЯ ОТ СТРА-
ХУ,
СО ВСЕХ ПУСТИЛАСЬ НОГ – ПРОСТЫЛ ЕЁ И СЛЕД

Как он ни рвался, ни метался,
Но всё добычею охотника остался,
И в клетке на показ народу увезён.
Про Мышку бедную тут поздно вспомнил он,
Что бы помочь она ему сумела,
Что сеть бы от её зубов не уцелела
И что его своя кичливость съела.

Читатель, истину любя,
Примолвлю к басне я, и то не от себя –
Не попусту в народе говорится:
Не плюй в колодезь, пригодится
Воды напиться.